

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE EAST**

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Б. П. Полевой

К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА

Еще в начале XX в. часто повторявшаяся в русской историко-географической литературе фраза о том, что «Татарский пролив был открыт Г. И. Невельским в 1849 г.», дала повод японским националистам поднимать большую шумиху вокруг имени японского разведчика Мамя-Ринзо, который побывал в Татарском проливе еще за 40 лет до исследований Г. И. Невельского. Сочинение Мамя-Ринзо о его путешествии по Сахалину и низовьям Амура, так же как и составленная им карта Татарского пролива, действительно представляет значительный интерес для историков науки¹. Но назвать Мамя-Ринзо «первооткрывателем Татарского пролива» безусловно нельзя. На это еще в 1908 г. указывал известный востоковед Д. М. Позднеев. Он справедливо отмечал, что Татарский пролив был знаком географам задолго до путешествия Мамя-Ринзо, и призывал будущих исследователей собрать «все необходимые данные» для критического пересмотра сложившихся неправильных представлений об открытии Татарского пролива².

На обращение Д. М. Позднеева откликнулся (и то не сразу) всего лишь один автор — историк картографии Л. С. Багров. В 1931 г. он опубликовал в Берлине в журнале «Ямато» (орган японо-германского общества) статью под названием «Приоритет открытия Амура, Татарского залива и острова Сахалина», в которой показал, что открытие

¹ Мамя-Ринзо написал двухтомное сочинение «Путешествие в Татарию» («Тодатдзу кико» или по Ф. Ф. Зибольду: «Tō-tats-kiko»). Оно издано впервые в виде четырехкнижного ксилографа в 1855 г. под названием «Чертежное описание Северного Иедзо» («Кито иесо дзусетцу»), переиздано в 1944 г. в серии книг, посвященных Маньчжурии, — «Хокумен сосе». Кроме того, выходили неоднократно сокращенные неточные пересказы сочинения Мамя-Ринзо («Хокуи кико» или «Хокуи бункэн року»).

Сочинение Мамя-Ринзо переведено и на европейские языки: «Auszug einer Reise über Jezu und Krafft nach Tootats und der Mündung in den Jahren 1808—1809 von dem Mamia Rinsoo», — Ph. Fr. Siebold, *Nippon. Archief voor de beschrijving van Japan*, Abteilung VII, Leyden, 1852, S. 167—196. (работа переиздавалась в 1897 и 1931 гг.); A. J. Harrison, *Kita Yeso Zusetsu or a Description of the Island of Northern Yeso by Mamiya Rinso*, — «Proc. Amer. Philos. Soc.», 1955, № 2, pp. 93—117.

В России зибольдовский перевод сочинения Мамя-Ринзо впервые широко был использован в трехтомном сочинении акад. Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края» (СПб., 1883, 1899 и 1903). Подробный пересказ сочинения Мамя-Ринзо был дан Д. М. Позднеевым в его труде «Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России» (Иокогама, 1909, т. II, ч. 3, стр. 94—120).

² Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, стр. 163.

Татарского пролива никак нельзя относить к XIX в.³, поскольку русские знали о существовании этого пролива еще в XVII в. Позднее в литературных и архивных источниках удалось выявить ряд новых важных данных, позволивших более подробно проследить, как с середины XVII и до середины XIX в. у географов постепенно расширялся круг сведений о Татарском проливе. Поэтому теперь и возникла необходимость ради восстановления истины еще раз вернуться к этой любопытной историко-географической теме.

* * *

Археологические исследования, произведенные на Сахалине, ясно показали, что между культурами Сахалина и Приамурья издавна существовала весьма тесная связь⁴. Поэтому очевидно, что народы Нижнего Амура знали о существовании Татарского пролива еще с «незапамятных времен». Несомненно лучше всех этот район знали нивхи (гиляки), они часто путешествовали между Амуром и Сахалином и имели свои поселения как на Нижнем Амуре, так и на Сахалине, в частности на самом побережье Татарского пролива (Погоби, Виахту, Танги, Мгачи, Дуи и др.). Нивхи были связаны межплеменным обменом с нанайцами и даурами Амура, эвенками и эвенами Охотского побережья, а поэтому и эти народности также давно слышали о существовании Сахалина и пролива, отделяющего его от материка. Правда, в то время остров еще не назывался Сахалином: так он стал именоваться только с 30-х годов XVIII в.⁵ Почти каждая народность Дальнего Востока имела тогда свое наименование острова. У охотских эвенков, например, он был известен под названием «остров Янкур»⁶. И вот на Охотском побережье еще в 1640 г. участники похода И. Ю. Москвитина (первого русского похода на Тихий океан) впервые и услышали от эвенков о существовании вблизи устья Амура «островов Гилятской орды», самым крупным из которых был Сахалин — «великий» или «большой» остров «гилят»⁷. Уже одно то, что охотские эвенки называли Сахалин «островом», ясно показывает, что им было хорошо известно, что он отделен от континента проливом.

³ L. Bagrow, *Die Priorität der Entdeckung der Amur, des Tatarischen Golfs und Insel Sachalin* — «*Yamato, Zeitschrift der deutsch-japanischen Gesellschaft*», 1931, Н. 2, S. 75—90; Н. 3, S. 134—143. Четверть века спустя эта же статья была опубликована на английском языке: L. Bagrow, *A Few Remarks on Maps of the Amur, the Tartar Strait and Sakhalin*, — «*Imago Mundi*», vol. XIII, Stockholm, 1956, pp. 127—136.

⁴ См. Р. В. Козырева, *Древнейшее прошлое Сахалина*, Южно-Сахалинск, 1960, стр. 63—81; *Древний Сахалин*, Л., 1967, стр. 111.

⁵ Русские постоянно указывали, что остров находится «в устье Амура». Поэтому и голландский географ Н. К. Витсен назвал его «Амурским островом» — «*Amoerse Eylandt*» (само название «Амур» он тоже заимствовал от русских). И в течение четырех десятилетий это название повторялось на западноевропейских картах. Но у маньчжуров р. Амур называлась «Сахалин ула». Поэтому с середины 30-х годов XVIII в. на картах французского картографа д'Анвиля около изображения этого острова и появилась надпись: «Имя, которое чаще всего дают этому острову, — Сагалиен-Анга-Хата, что означает остров устья Черной реки» (см. J. B. du Halde, *Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine, et de la Tartarie chinoise*, vol. IV, Paris, 1735; J. B. D'Anville, *Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie chinoise et Thibet, A la Haye*, 1737). Название «Сагалиен-Анга-Хата» было фактически калькой ранее уже употреблявшегося в России выражения «остров в устье Амура». Позже это название было произвольно сокращено до одного слова — «Сахалин», т. е. маньчжурского названия реки, но отнюдь не острова.

⁶ А. Ф. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. 1, отд. I, СПб., 1860, стр. 101.

⁷ Б. П. Полевой, *Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура?*, — «Материалы отделения истории географических знаний Географического общества СССР», вып. I, Л., 1962, стр. 68—70.

В том же 1640 г. москвитинцы смогли сами на двух восьмисаженных кочах дойти до района устья Амура. В пути они узнали, о существовании «бородатых людей» — южносахалинских айнов — и то, что от устья Амура «морем до... бородатых людей недалече»⁸. Очевидно, это известие относилось именно к Татарскому проливу, ибо через него и шел путь из района устья Амура к «бородатым» айнам. Тогда же русские впервые услышали, что «ходят де с моря в Омур реку торговые суды»⁹. Дальнейшее изучение источников показало, что под этими судами подразумевались удлиненные лодки, на которых нивхи совершали плавания на юг через Татарский пролив.

Аналогичные сведения о районе Татарского пролива собрали и участники похода В. Д. Пояркова — первого русского похода по Амуру. Сравнительно недавно стало известно, что еще 9 ноября 1645 г. группа участников этого похода (казаков) смогла в Якутске сообщить о Сахалине: «Есть де на усть Амура реки в губе остров, а на том де острову дватцать четьре улуса, а живут де гиляки ж, а в улусах де юрт по сту и по пятидесяти»¹⁰. Этот документ со всей очевидностью показывает, что уже тогда русские очень хорошо знали, что Сахалин является островом. И казаки добавляли: «А на острову ж рыбы много ж всякой и соболи де на острову у гиляков много ж есть ж». Эти сведения в основном относились к району р. Тыми, т. е. к средней части острова, находящейся за Татарским проливом. Знали эти казаки и о южносахалинских айнах. Они сообщали: «Есть де подле моря черные люди, а называют де их куями, а живут де они подле моря по правую сторону». Как известно, «по правую сторону» от устья Амура и находился Татарский пролив. Более того, выяснилось, что уже в 1644—1645 гг. русские смогли собрать некоторые сведения о ледовом режиме в ближайшей от устья Амура части пролива, отделяющего Сахалин от континента: «А от усть Амура до острова до Гиляцкого мерзнет лед, ставаеет все»¹¹.

Некоторые дополнительные сведения об этом районе были собраны в 1652 г.: сначала во время пребывания в низовьях Амура отряда Ивана Нагибы, потом — отряда С. В. Полякова. Лишь недавно стало известно, что именно тогда — осенью 1652 г. — где-то в районе амурского селения Мага С. В. Поляков и его товарищи смогли первыми из сибирских казаков узнать о существовании народа «чижем» — японцев, самые северные поселения которых тогда еще находились на южном побережье о-ва «Иессо» (Хоккайдо)¹². Очевидно, эти сведения исходили от тех амурских нивхов, которые неоднократно плавали на юг через Татарский пролив.

⁸ «Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века», М., 1951, стр. 140.

⁹ Б. П. Полевой, *Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Распросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 года)*, — Труды Томского областного краеведческого музея, т. VI, вып. 2, 1963, стр. 30.

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Якутской приказной избы, оп. 1, ст. 43, л. 363 об.; Б. П. Полевой, *Забитые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.)*, — «Известия ВГО», вып. 6, 1958, стр. 548.

¹¹ ЦГАДА, оп. 1, ст. 43, л. 363; Б. О. Долгих, *Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам*, — «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 135; Б. П. Полевой, *Забитые сведения...*, стр. 548.

¹² Б. П. Полевой, *Первооткрыватели Сахалина*, Южно-Сахалинск, 1959, стр. 31. Подробно эти данные были изложены автором в докладе «Первые сообщения сибирских казаков о японцах (1652—1653)», сделанном на заседании Восточной комиссии ГО СССР 15 мая 1958 г. (см. «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 210).

Еще более подробно русские смогли познакомиться с районом Татарского пролива зимой 1655—1656 гг., когда в низовьях Амура провели короткую зимовку отряды Онуфрия Степанова Кузнеца, Федора Пущина и Петра Бекетова — всего около 600 человек. При сборе ясака они побывали в весьма многих нивхских поселениях района и, в частности, как указывает Б. О. Долгих, «на Сахалине по берегу Татарского пролива, в улусах Таунском, Дутмытском, Чагаданском, Маганзском»¹³. Б. О. Долгих считал, что «Таунский улус» — это современное нивхское селение Танги, а «Дутмытский улус» — Дуэ. Из этого можно заключить, что уже в середине 50-х годов XVII в. русские прошли на юг через самую узкую часть Татарского пролива.

Сведения, собранные амурскими казаками в середине XVII в., оказались весьма полезными для Н. Г. Спафария, в сочинениях которого имеется не только широко известное первое относительно подробное описание о-ва Сахалина — «острова великого... против устья Амура» (см. «Сказание [или «Описание...»] о великой реке Амуре»), но и ряд сведений, прямо относившихся к Татарскому проливу. Так, повторив сообщение казаков об образовании льда зимой в устье Амура, Н. Г. Спафарий добавлял: «А направо только берег мерзнет, а далеко пучина не мерзнет, и для того мочно всегда плиты в Китай тем морем; только тем морским путем еще никто не ходит в Китай»¹⁴. С. Де-Ливрон справедливо отмечал: «Татарский пролив около Де-Кастри и Дуэ замерзает на все видимое пространство, к югу же, около Императорской гавани и поста Косунай, держится вдоль берега только припай льда шириною у первой в милю, а у второго гораздо менее»¹⁵. Из этих данных ясно видно, что русские землепроходцы уже в XVII в. имели некоторое представление и о южной части Татарского пролива.

Достоинно также особого внимания сообщение Н. Г. Спафария о том, что казаки нашли «недалече от Амура... разбитой великой корабль немецкий, каковы ходят по Архангельской город»¹⁶. Комментируя это сообщение, голландский географ Н. К. Витсен писал, что еще в первой половине XVII в. одно голландское судно «между Кореей и Японией заплыло за Иессо (Хоккайдо) и около устья Амура погибло, сев на мель»¹⁷. Опыт XIX в. показывает, что корабли, плывшие к устью Амура через Татарский пролив, садились на мель исключительно на южных подступах к проливу Невельского. Достоверно известно, что казаки, ходившие из устья Амура только в северном направлении, такого корабля не видели, следовательно, этот корабль был обнаружен теми русскими казаками, которые ходили от устья Амура «в правую сторону», т. е. через Татарский пролив.

Итак, теперь уже нет никаких сомнений в том, что русские землепроходцы середины XVII в. не только знали со слов местного населения о существовании Татарского пролива, но и сами бывали на его берегах.

Еще в 1642 г. ленский картограф Курбат Иванов создал чертеж, на котором, между прочим, было изображено и «море Лама... куде ходили

¹³ Б. О. Долгих, *Этнический состав...*, стр. 135.

¹⁴ Н. Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год*, Казань, 1882, стр. 524; Ю. В. Арсеньев, *О происхождении Сказания о великой реке Амур*, — «Известия РГО», вып. 4, 1882, стр. 252.

¹⁵ Де-Ливрон, *Лоция северо-западной части Восточного океана*, ч. I, СПб., 1901, стр. 21.

¹⁶ Архив Ленинградского отделения института истории, ф. Воронцовых, кн. № 189, л. 7.

¹⁷ N. C. Witsen, *Noord en Oost Tartarye*, Amsterdam, 1705, p. 885.

служилые люди Дмитрия Копылова», т. е. участники похода И. Ю. Москвитина, отправленные Д. Е. Копыловым «на море» из алданского Бутальского зимовья¹⁸. Другой чертеж был составлен участниками плавания В. Д. Пояркова¹⁹. Затем такие же чертежи «писали» амурские казаки в 50-х годах XVII в. Поэтому с уверенностью можно сказать, что первые изображения о-ва Сахалина и пролива, отделяющего его от континента, появились на русских географических чертежах еще в середине XVII в. Позже Сахалин в виде небольшого острова в устье Амура был дан на некоторых сводных чертежах Сибири. На этих чертежах Татарский пролив иногда изображался в виде южного рукава в устье Амура. Наиболее раннее подобное изображение нам известно по копии общего чертежа Сибири 1667 г. в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова²⁰.

Возможно, более подробно Сахалин и Татарский пролив были показаны на одном из «прилогов» к чертежу Сибири 1667 г., на «партикулярном» чертеже низовьев Амура²¹. Судить о том, как приблизительно могли быть они изображены на таком «партикулярном» чертеже, можно хотя бы на основании аналогичного чертежа, помещенного в так называемой «Хорографической чертежной книге» С. У. Ремезова. Кроме того, имеются основания предполагать, что голландский географ Н. К. Витсен нанес изображение «Амурского острова» с проливами на свою известную карту Татарию 1687 г. именно на основании «партикулярного» чертежа Нижнего Амура, приложенного к чертежу Сибири 1667 г.²².

Карта Н. К. Витсена была самой первой печатной картой, на которой был изображен (по русским источникам!) «Амурский остров», т. е. Сахалин²³. С тех пор он и стал неизменно изображаться на всех западноевропейских картах Восточной Азии. Именно поэтому даже американский историк Ф. А. Гольдер (а он, как известно, далеко не всегда справедливо оценивал достижения русских землепроходцев) вынужден был признать: «Наши наиболее ранние сведения о Сахалине (следовательно, и о Татарском проливе!— Б. П.) поступили к нам не от китайцев, японцев, голландцев или иезуитов, а от русских сибирских охотников, которые, стремясь познакомиться с Приамурьем, пришли в соприкосновение с Сахалином»²⁴.

Лишь недавно выяснилось, что во время русско-китайских дипломатических переговоров в 1689 г. обе стороны совершенно не упоминали о Сахалине именно потому, что он был островом, отделенным от континента проливом. К тому же китайская сторона ошибочно принимала его за особое «царство кув», т. е. айнов. О том, что основное население острова составляли не айны, а нивхи — «гиляки», маньчжурские дипломаты не знали явно, потому что они сами на этом острове

¹⁸ Б. П. Полевой, *Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.)*, — «Известия ВГО», вып. 1, 1960, стр. 49.

¹⁹ Б. П. Полевой, *Забутые сведения...*, стр. 547.

²⁰ «Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», Рукописный отдел. Эрмитажное собрание. № 237, лл. 30—31, а также «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.», М., 1964, карта № 28.

²¹ О маршрутных «прилогах» к чертежу Сибири 1667 г., см. Б. П. Полевой, *Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г.*, — «Известия АН СССР», сер. геогр., вып. 4, 1966, стр. 123—132.

²² Там же, стр. 128.

²³ Б. П. Полевой, *Первооткрыватели...*, стр. 51, а также «Атлас географических открытий...», карта № 33.

²⁴ F. A. Golder, *Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850*, Cleveland, 1914, p. 155.

не бывали, а от жителей Приамурья до них доходили лишь туманные сведения о «заморских куи'сцах», т. е. об айнах, живущих за проливом на особом острове. Этот пролив и островное «царство куев» («Regnum Nive») весьма четко показаны на найденных в Ватикане двух чертежах иезуита А. Томаса 1690 г.²⁵

Зная о существовании пролива между «Амурским островом» и континентом и о том, что Нерчинский договор 1689 г. не распространялся на этот остров, лондонский агент Петра I Федор Салтыков еще в 1713 г. предложил русскому правительству при первой возможности по примеру Англии создать свои новые крепости на Дальнем Востоке на стратегически важных проливах — «проходах». В частности, он советовал в первую очередь создать русские опорные пункты «против того на Амуре острове и прочих местах, где будет пристойно на проливах, где обыщутся»²⁶.

Нетрудно понять, что он здесь имел в виду именно Татарский пролив, поскольку он полагал, что таким способом русские установят свой контроль над морским путем, ведущим из устья Амура в различные южные страны Востока.

Широко известно, что в 1709 г. на Амуре под руководством иезуитов Региса, Жарту и Фиделли были начаты работы по составлению карты Амура²⁷. В 1710 г. один из отрядов, подчиненных этой же экспедиции, смог побывать в районе Татарского пролива²⁸. В результате этих работ появился новый вариант чертежа с изображением Татарского пролива и о-ва Сахалина.

В последние годы жизни Петра I это изображение Татарского пролива стало известно в России. Оно было далеко не точным, но все же точнее прежних. Поэтому оно с 1724 г. и стало использоваться на русских картах XVIII в. Как был изображен на них Татарский пролив, можно судить по карте, помещенной в известном Академическом атласе Российской империи 1745 г. Это был один из самых ранних русских чертежей, на котором появилось заимствованное от французских картографов сокращенное название «Сагалиен», позднее превратившееся в «Сахалин».

Пролив, отделявший остров от материка, не мог не заинтересовать русских мореплавателей. Еще в апреле 1730 г. Вигус Беринг высказался за изучение «водяного прохода до устья реки Амура и далее до японских островов»²⁹ (курсив наш.— Б. П.). В 1740 г. за отыскание водного пути «до устья реки Амура и оттуда к югу» ратовал и знаменитый Федор Соймонов. При этом он рекомендовал «до японских островов весь тот берег окурратно примечать как положение одного, так где явятся бухты и реки и протчее, то есть глубины и места берегов, особливо осматривать, лесные ль оные или каменистые и гористые, или niskие, и протчее, примечанию и описанию достойное»³⁰.

²⁵ A. Florovsky, *Maps of the Siberian Route of the Belgian Jesuit, A Thomas-Imago Mundi*, vol. VIII, Stockholm, 1851, p. 104.

²⁶ «Изъявления прибыточные государству Федора Салтыкова 1714 год». См. главу XXV «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая» в кн.: Н. П. Павлов-Сильванский, *Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты*, — «Записки историко-филологического факультета имп. СПб. университета», ч. 42, СПб., 1897, приложение, стр. 32.

²⁷ J. B. du Halde, *Description géographique...*, vol. IV, pp. 12—19.

²⁸ «Сибирский вестник», 1823, ч. 3, стр. 272.

²⁹ «Полное собрание законов Российской империи», т. VIII, № 6042, стр. 774—775. Аналогичное предложение В. Беринга 1732 г. см. «Экспедиция Беринга», — «Сборник документов ГАУ», М., 1941, стр. 200.

³⁰ «Экспедиция Беринга», стр. 263.

Тогда же Татарским проливом заинтересовался историк Сибири и Дальнего Востока акад. Г. Ф. Миллер. В его «Ведомости о реке Амуре», составленной в 1740 г., имелись беглые упоминания о некоторых плаваниях по Татарскому проливу³¹. Г. Ф. Миллер ратовал за то, чтобы Россия получила право плавания по Амуру «к Камчатскому и Японскому морю»³². Под плаванием к «Японскому морю» (Г. Ф. Миллер первым в России стал употреблять это название) он несомненно имел в виду плавание через Татарский пролив.

В известном труде ученика Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова, в книге «Описание земли Камчатки» (1755 г.) не только были опубликованы две карты, на которых был четко показан Сахалин и пролив, отделяющий его от материка, но и упоминался «самый ближайший переезд на великой и жилой остров» Сахалин³³. Уже тогда С. П. Крашенинников, как видно по его двум картам, знал, что на сахалинском берегу у этого самого узкого места расположено «Бохоби», т. е. Похоби (современное — Погиби).

Опираясь на те же источники, известный французский исследователь Ж. Л. Бюффон в середине XVIII в. столь же определенно утверждал: «Камчатское (Охотское. — Б. П.) море соединяется достаточно крупным проливом с Корейским морем»³⁴.

В конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в. живший в Иркутске акад. Эрик Лаксман предлагал послать по Амуру в «Сахалинский канал»³⁵ судно для установления торговых отношений с Японией. Несомненно под «Сахалинским каналом» Лаксман подразумевал именно Татарский пролив. Однако царское правительство по дипломатическим соображениям не разрешило это плавание. Как известно, сын академика Адам Лаксман в 1792 г. отправился в Японию не по Амуру и Татарскому проливу, а из Охотска — вдоль восточного побережья Сахалина.

Итак, из приведенных данных ясно видно, что с XVII в. до 80-х годов XVIII в. в России и в Западной Европе никто не сомневался в том,

³¹ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 21, оп. 5, № 168, л. 94 (или 197) (далее — ААН).

³² Там же.

³³ С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, М.—Л., 1949, срт. 164.

³⁴ «Oeuvres complètes de Buffon, augmentées par M. F. Cuviers», vol. II, Paris, 1831, p. 141.

³⁵ Архив князя Воронцова, М., 1882, кн. 24, стр. 193—194; В. Лагус, *Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка*, СПб., 1890, стр. 235. В 1786 г. акад. Э. Лаксману передал любопытную записку об Амуре живший под Иркутском участник Второй Камчатской экспедиции Яков Линденау. В этой записке он утверждал, что еще в октябре 1742 г. он будто бы даже смог лично побывать в проливе у устья Амура. По словам Линденау, судно, на котором он в 1742 г. отправился из Охотска на Камчатку, «разными погодами носило» по всему Охотскому морю, из-за чего в конце концов «Камчатка, Курильские острова и большой Матсая остров (Хоккайдо) остались влево». И далее Линденау писал: «Напоследок от „S“ к „N“ проходили мимо устья Амура, против которого на правой стороне имеется большой остров, Гляики называют оной Гулентианом» (ААН, ф. 21, оп. 5, д. 33, л. 1). На основании этого сообщения невольно создалось впечатление, что Линденау смог, во-первых, еще за 45 лет до плавания Лаперуза пройти через пролив, отделяющий Сахалин от «Матсая» (Хоккайдо), и, во-вторых, оттуда совершить плавание к северу через пролив, в котором с левой стороны было устье Амура, а с правой — «большой остров», названный нивхами «Гулентианом» (?) Под «Большим островом» на-против устья Амура тогда обычно имели в виду о-в Сахалин. Эта записка укрепила веру Э. Лаксмана в то, что из устья Амура через «Сахалинский канал» можно доплыть и до Японии. Но к этому сообщению Линденау необходимо отнести критически. Он, конечно, Татарским проливом не плывал. В Ленинградском архиве Академии наук (ф. 1, оп. 1, 1743, № 11, л. 2) имеется карта, сделанная Линденау в 1743 г. На ней показаны лишь Шантарские острова. Видимо, только в этом районе он и смог побывать в 1742 г.

что Сахалин — остров, отделенный от материка проливом. И можно только сожалеть, что до сих пор в литературе (особенно в научно-популярной) не раз повторялась версия, по которой Сахалин якобы считали в России полуостровом, а Татарский пролив будто бы стал известен русским лишь в середине XIX в. Влияние этой ложной версии было настолько сильно, что один из видных советских популяризаторов истории русских географических открытий на Тихом океане вот уже несколько раз хвалил «анадырского казака» Тимофея Перевалова за то, что он «знал, что Сахалин — остров и таковым и положил на карту». Так, в традиционном для XVIII в. изображении Сахалина в виде острова было усмотрено нечто необыкновенное.

Но когда же впервые возникла версия о том, что Сахалин — полуостров?

В литературе неизменно указывают, что главными виновниками появления этой версии были три мореплавателя: француз Ж. Ф. Лаперуз, англичанин В. Р. Броутон и глава «первого плавания россиян вокруг света» И. Ф. Крузенштерн. Однако и тут допускаются порою серьезные неточности.

Говоря о плавании Ж. Ф. Лаперуза, историки чаще всего забывают отметить, что французский мореплаватель оказался в южной части Татарского пролива именно потому, что он надеялся пройти этим проливом в Охотское море. План этот оказался неосуществимым из-за резкого уменьшения глубин севернее Де-Кастри. К тому же, когда Лаперуз при высадке на берег изобразил на песке узкую часть Татарского пролива, местные орочи почему-то перечеркнули его линией, и Лаперуз решил, что так они изобразили перешеек. Это и побудило его в осторожной форме высказать предположение, что, быть может, между Сахалином и материком нет пролива³⁶. И все-таки Лаперуз на своих картах продолжал называть Сахалин «островом», отделенным от берега «Татарским проливом». Любопытно отметить, что именно Ж. Ф. Лаперуз и был первым исследователем, назвавшим этот пролив «Татарским» (от «Татарии» — старинного наименования Северной Азии). Из этого видно, что «виновность» Лаперуза в появлении на картах XIX в. Сахалина в виде полуострова часто в литературе преувеличивалась.

В России смогли ознакомиться с результатами плавания Ж. Ф. Лаперуза довольно рано, и первоначально никто из русских не принимал Сахалин за полуостров. Это ясно видно по первой малоизвестной русской карте Мантейфеля, которая была составлена еще в конце 90-х годов XVIII в. и на которой были учтены результаты плавания Лаперуза. Эта карта вышла из печати лишь в 1806—1807 гг. На ней были изображены «Остров Чока или Сегалиен», «Татарский рукав» и только в самой северной узкой его части проведена еле заметная линия с надписью «Завал».

Впервые изображение Сахалина действительно в виде полуострова появилось на русских картах лишь после плавания И. Ф. Крузенштерна.

Нетрудно убедиться, что И. Ф. Крузенштерн объявил Сахалин полуостровом не столько под влиянием предположения Ж. Ф. Лаперуза, сколько под влиянием труда английского мореплавателя В. Р. Броутона³⁷.

Сам И. Ф. Крузенштерн не смог побывать в Татарском проливе. Но при осмотре северных подступов к Амурскому лиману он обратил внимание на большой выброс пресной воды из Амура и сразу же сде-

³⁶ La-Perouse, *Voyage autour du monde*, t. III, Paris, 1797, p. 260.

³⁷ И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»*, М., 1950, стр. 207.

ла! вывод, что «если бы вливаемая Амуром вода могла стремиться в ту и другую стороны, тогда оное было бы непременно слабее»³⁸. Он обратил также внимание на указание Ж. Ф. Лаперуза, что в Татарском проливе отсутствует сколько-нибудь заметное течение. Но он окончательно уверовал в то, что Сахалин будто бы является полуостровом, после того как в Кантоне ознакомился с книгой английского мореплавателя В. Р. Броутона, в которой говорилось, что «Татарский канал» заканчивается на севере заливом.

Броутон писал, что этот залив был осмотрен лично его помощником — моряком Чэпманом в сентябре 1797 г. И В. Р. Броутон весьма смело утверждал: «Теперь мы были полностью убеждены, что там нет открытого прохода в море в этом направлении. Все было полностью закрыто низкой землей, которую мы временами различали четко. За этой низкой полосой на значительном расстоянии мы видели несколько возвышенностей на северо-востоке. Если какая-либо река впадает в тот залив, то, как я полагаю, лишь самая незначительная, так как здесь нет ни течения, ни иных каких-либо признаков наличия реки на этом берегу. Поскольку Чэпман дал заливу неблагоприятную характеристику и даже выразил опасения, что мы можем там пострадать, я пришел к выводу, что из-за мелководья продвигаться туда нельзя без большого риска для судна и так как не было никакой надежды получить сведения о стране от местных жителей, я решил более не терять времени». Броутон повернул на юг. Тогда же он заменил лаперузовское название «Татарский пролив» на «Татарский залив»³⁹.

К сожалению, историки географии до сих пор не учитывали, что существовал еще один фактор, подготовивший англичан к этому ошибочному выводу. Из записок Броутона видно, что в его распоряжении была какая-то японская карта этих морей⁴⁰, а нам известно, что на японских картах XVIII в. Карафуту (Сахалин) чаще всего изображался в виде полуострова. Примером может служить известная карта Хаяси (Рин Сихея) 1786 г., на которой Карафуту изображен в виде азиатского полуострова. Хаяси в своем известном сочинении «Обозрение трех царств» утверждал, что Карафуту — «полоса, связанная с Восточным Цананом [Азией] и представляющая собой мыс юго-восточного моря»⁴¹.

Аналогичное изображение давалось и на других японских географических чертежах тех лет. Лишь в 1801 г. японец Накамура Концироо (Томоцуми) решился нарушить японскую традицию и изобразил Карафуту в виде острова. Но вскоре такой поступок показался ему слишком смелым и он на свою готовую карту приклеил кусочек бумаги с изображением... перешейка!⁴²

Все это ясно показывает, что даже в самом начале XIX в. в Японии господствовало убеждение, что Карафуту является полуостровом Азии. И это нас не должно удивлять: ведь до XIX в. ни одному японцу не удалось побывать в Татарском проливе. Между тем наличие на Карафуту изделий явно континентального происхождения говорило о существовании его тесной экономической связи с Азией, что и способствовало возникновению в Японии ложного представления о Карафуту как о «полосе» или «полуострове» Азии. Следовательно, вне всякого

³⁸ Там же.

³⁹ W. R. Broughton, *Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean*, t. 2, London, 1804, p. 302.

⁴⁰ Ibid., pp. 295, 299.

⁴¹ J. Klaproth, *San Kokŭ Tsou Ran To Sets. Aperçu général des Trois Royaumes*, Paris, 1832, p. 198; Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, т. II, ч. 3, стр. 49.

⁴² Д. М. Позднеев. *Материалы по истории...* стр. 138.

сомнения, версия о «полуострове» Карафуту (Сахалине) родилась впервые в Японии и было это еще до плаваний Лаперуза, Броутона и Крузенштерна.

Английские моряки, располагая в 1797 г. какой-то японской картой XVIII в., на которой Карафуту, видимо, был изображен в виде полуострова, оказались уже психологически подготовленными к тому, чтобы увидеть на севере полосу земли, соединяющую Карафуту с материком. И они действительно умудрились ее увидеть, а И. Ф. Крузенштерн, всегда относившийся с большим уважением к трудам английских моряков, поверил на слово В. Р. Броутону. После этого он и сделал свой пользующийся печальной славой неосторожный вывод: «Итак теперь доказано совершенно, что Сахалин соединяется с Татарию низменным песчаным перешейком и есть полуостров, а не остров»⁴³.

В литературе весьма часто указывалось, что после плавания И. Ф. Крузенштерна будто бы все в России сразу же уверовали в версию о «полуострове Сахалине». Но так ли это было на самом деле?

Изучая историю двух плаваний Н. А. Хвостова к берегам Сахалина в 1806—1807 гг., удалось по архивным данным установить, что Н. А. Хвостов еще до сахалинского путешествия Мамя-Ринзо твердо знал, что Сахалин является островом. Айны ему сообщили, что к ним для торга часто приходят приамурские нивхи, переезжающие «через пролив», и в том же документе Н. А. Хвостов еще раз упоминал «пролив... который отделяет Сахалин от материка»⁴⁴.

В 1810 г. сам И. Ф. Крузенштерн в своей книге жаловался на то, что многие картографы не учитывали последних географических открытий и «продолжали до сего несправедливо (! — Б. П.) изображать на картах Сахалин островом, а канал между оным и матерым берегом называть проливом Татарию»⁴⁵.

Правда, после 1810 г. положение значительно изменилось. В России начали появляться карты, на которых Сахалин изображался преимущественно в виде полуострова. Но все же и в это время не раз выходили карты, на которых был изображен не только «остров Сахалин», но и «Татарский пролив» («канал» или «рукав») ⁴⁶.

В некоторых случаях делались попытки как-то искусственно соединить вместе новые и старые сведения о Татарском проливе. В качестве примера можно указать на изданную в 1823 г. книгу «Азия полиглота» Ю. Клапрота, в которой об острове Сахалине («Таракае») было сказано так: «Западная часть Таракая проходит близко к материка, и канал между ними кажется столь сильно занесен песком, что скоро этот остров превратится в полуостров, хотя он в действительности еще им не является» (diese Insel bald zur Halbinsel werden dürfte, obgleich sie es in der That noch nicht ist) ⁴⁷.

⁴³ И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие...*, стр. 207.

⁴⁴ ЦГАВМФ, ф. 14, д. № 183, л. 12.

⁴⁵ И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие...*, стр. 206

⁴⁶ На «Генеральной карте Азии с островами, открытыми Бугенвилем, Сюрвилем и Дампьером, сочиненной Гаррисоном», но выправленной и дополненной Максимовичем, «полуостров Сахалин» был изображен лишь на издании 1817 г. На изданиях же 1808, 1811, 1813, 1818 и 1825 гг. Сахалин именуется «островом». На первых картах фигурирует название «Татарский залив», которое, впрочем, употреблялось и самим Г. И. Невельским (даже после его исследований 1849 г.). На карте 1825 г. оно было заменено названием «Татарский пролив», а 1826 г. — «Татарский рукав». Уже из этих данных ясно видно, какую ошибку допускал М. А. Сергеев, когда он утверждал, что в конце XVIII — первой половине XIX в. «на всех географических картах... неизменно фигурировал полуостров Сахалин и Татарский залив» (М. А. Сергеев, *Оборона Петропавловска-на-Камчатке*, М., 1952, стр. 17).

⁴⁷ J. Klaproth, *Asia Polyglotta*, Paris. 1823, p. 302.

Любопытно отметить, что известный историк Сибири Г. И. Спасский тоже отказался поверить в версию о «полуострове», поскольку в старинных русских сочинениях Сахалин всегда именовался островом. Спасский хорошо знал знаменитое «Сказание о великой реке Амуре», которое было им впоследствии впервые опубликовано с подробными комментариями⁴⁸. Он также был знаком с историей картографических работ на «острове» Сахалине в 1710 г.⁴⁹ Поэтому не удивительно, что еще в 1824 г. Г. И. Спасский, вопреки неоднократно повторявшимся в литературе сообщениям о «полуострове Сахалин», безоговорочно писал: «Против устья Амура находится остров Сахалин, отделяемый от берега узким проливом»⁵⁰.

В 1829—1831 гг. поручик П. Т. Козьмин, проводя опись Шантарских островов, узнал от нивхов, приходивших на охоту, что между Сахалином и материком имеется пролив.

В 1831—1832 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский получил от беглого старообрядца Гурия Васильева новые сведения об островном положении Сахалина. Рассказывая о своем третьем нелегальном путешествии по Амuru, Гурий Васильев утверждал, что во время «плавания по губе Амурской, большой остров всегда виден был верстах в 60-ти от материка на восток»⁵¹. Васильев утверждал, что он провел зимовку «на меже между гиляками и кугами»⁵², т. е. нивхами и айнами; граница между ними шла по побережью южной части Татарского пролива, а чтобы туда попасть, Г. Васильев должен был пройти на лодке Татарский пролив.

В 1852 г. лейтенант Н. К. Бошняк установил, что в начале XIX в. какое-то русское судно погибло в южной части Татарского пролива и один спасшийся русский (некий Кемец) жил некоторое время в нивхском селении Мгачи на южном побережье Татарского пролива. Н. К. Бошняк добавлял: «В скором времени после этого происшествия прибыли с Амура 2 русских по прозванию Василий и Никита. Они присоседились к Кемцу и в селении Мгачь выстроили себе дом, вели жизнь как обыкновенные промышленные гиляки, занимались промыслом пушных зверей и ездили для торга к маньчжурам и японцам»⁵³. Чтобы прибыть с Амура в Мгачи и затем посещать маньчжур, эти русские несомненно должны были совершить не одно путешествие через Татарский пролив. Н. К. Бошняк выяснил, что они принадлежали к беглым, а это дало повод акад. Л. И. Шренку, большому знатоку Приамурья, Сахалина и района Татарского пролива, высказать предположение, что одним из этих беглых — «Василием» — мог быть сам Гурий Васильев⁵⁴.

Все эти данные не оставляют сомнений в том, что какие-то русские в первой половине XIX в. некоторое время жили на берегах хорошо им знакомого Татарского пролива.

Впоследствии историк Российско-американской компании П. А. Тихменев даже утверждал, что показания Гурия Васильева и Прокопия

---

⁴⁸ Г. И. Спасский. *Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии*. — «Вестник РГО», ч. VII, отд. II, 1853, стр. 15—42.

⁴⁹ «Сибирский вестник», ч. 3, 1823, стр. 272.

⁵⁰ Г. И. Спасский, *Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре*, — «Сибирский вестник», ч. 3, 1824, стр. 272.

⁵¹ П. А. Тихменев. *Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени*, ч. 2, СПб., 1863, стр. 43.

⁵² Там же.

⁵³ Б. П. Полевой, *Новое о Г. И. Невельском*, — «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.», М.—Л., 1965, стр. 99.

⁵⁴ Л. И. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, т. I, СПб., 1883, стр. 86—87.

Козьмина будто бы «окончательно разрушили всякое предположение о существовании перешейка между о. Сахалином и рекою»⁵⁵. Это, конечно, преувеличение. Но одно очевидно: версия о «полуострове Сахалине» вызывала в России все большие и большие сомнения. Важно отметить, что эти сомнения возникли еще до того, как в Европе впервые появилось в печати сообщение голландского ученого Ф. Ф. Зибольда о путешествии японца Мамя-Ринзо через Татарский пролив⁵⁶.

Кратко напомним здесь, как сами японцы опровергли легенду о «полуострове» Карафуту.

О существовании «острова Сахалина» японцы могли узнать из иностранных карт еще в XVIII в., но вначале они не предполагали, что под Сахалином подразумевается известный им Карафуту. Поэтому одновременно на их картах обозначались и полуостров Карафуту и остров Сахалин. Лишь в самом начале XIX в. в Японии убедились, что Сахалин — это Карафуту. Но поскольку за границей Сахалин считали островом, то естественно возникло предположение, что и Карафуту должен быть островом.

В 1808 г. японский разведчик Матсуда Дензюуро, непосредственный начальник Мамя-Ринзо, доставил в Японию достоверные сведения о существовании пролива, отделяющего Карафуту от материка⁵⁷. Но особенно большой успех выпал на долю самого Мамя-Ринзо. В 1809 г. он первым переехал через Татарский пролив на материк и составил карту пролива. Так был нанесен самый серьезный удар по японской легенде о «полуострове Карафуту». И все-таки не следует преувеличивать значение открытия Мамя-Ринзо даже для одной Японии. Из-за того что труды Мамя-Ринзо были секретными, и после 1809 г. в Японии продолжали создаваться карты, на которых Карафуту изображался в виде полуострова. Так он был показан на картах Мицукири Сиего, Такацу Шисеи и др. Даже в 1854 г. на карте Кудо Тохеи Карафуту был изображен еще в виде полуострова⁵⁸.

Не следует преувеличивать и влияние открытия Мамя-Ринзо на европейскую науку. Прежде всего вспомним, что японцы вполне сознательно скрывали эти открытия от европейцев. Даже сам Мамя-Ринзо из страха, что его карта может достаться чужеземцам, завещал сжечь ее после его смерти⁵⁹. Хорошо известно, какой большой скандал разразился в Японии, когда в 1826 г. японский дворцовый астроном Такахаши Цукацэмон дал возможность голландскому ученому Ф. Ф. Зибольду тайно скопировать карту Мамя-Ринзо⁶⁰. Японские власти заставили Зибольда дать клятву не публиковать эту карту в течение 25 лет. И он действительно опубликовал ее лишь в 1851 г.⁶¹, т. е. уже после исследований Г. И. Невельского. Правда, еще в 1832 г. в первом выпуске своего труда «Ниппон» Ф. Ф. Зибольд бегло упоминал о путешествии Мамя-Ринзо через Татарский пролив (стр. 129—131). Но этим сведениям за пределами Японии сперва никто не придавал особого значения. Некоторые авторы даже считали, что они отнюдь не противоречат версии о «полуострове Сахалине». Вот что, например, писал о Сахалине американец Аарон Пальмер в 1847 г.: «В широте 52° остров соединяется с материком узкою песчаной банкою, которая совершенно препятствует

⁵⁵ П. А. Тихменев, *Историческое обозрение...*, стр. 45.

⁵⁶ Ph. Fr. Siebold, *Nippon...*, Abt. I, S. 129—131.

⁵⁷ Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, стр. 138.

⁵⁸ L. S. Bagrow, *A Few Remarks...*, p. 134.

⁵⁹ Д. М. Позднеев, *Материалы по истории...*, стр. 160.

⁶⁰ Там же, стр. 159—160.

⁶¹ Ph. Fr. Siebold, *Atlas von Land- und Seekarten vom Japanischen Reiche*, Amsterdam, 1851, № 25.

плаванию судов. Самая узкая часть залива называется японцами Ма-миа-но-осето или пролив Мамаи»⁶². В другом месте своей записки Пальмер еще определеннее указывал, что Сахалин «тянется вдоль восточного берега Маньчжурии, с которой соединен (под 51°30') узким перешейком, отделяющим залив Татарский от Сахалинского»⁶³.

Итак, Аарон Пальмер, прочитав у Зибольда об успехе Мамаи-Ринзо, не поверил в открытие пролива между Сахалином и материком.

Характерным было первоначальное отношение к открытиям Мамаи-Ринзо и у русских. В. М. Головнин упоминал, что во время его пребывания в плену в Японии «землемер-астроном» Мамаи-Ринзо показывал «планы и рисунки описанных им земель, которые видеть для нас было весьма любопытно»⁶⁴. Но это знакомство с «планами» Мамаи-Ринзо не помешало В. М. Головнину вслед за И. Ф. Крузенштерном изобразить на своих картах Сахалин в виде полуострова⁶⁵. Следовательно, или В. М. Головнин не доверял известиям Мамаи-Ринзо о проливе, или же Мамаи-Ринзо и от него скрыл карту с изображением пролива.

Иногда в иностранной литературе утверждается, что открытие Мамаи-Ринзо произвело большое впечатление на И. Ф. Крузенштерна и что, ознакомившись с картой Мамаи-Ринзо, он будто бы воскликнул: «Японец меня победил!». Но вряд ли можно верить этому рассказу, так как И. Ф. Крузенштерн и в последние годы своей жизни продолжал думать, что Сахалин является полуостровом.

Возможно, кое-кто в России еще в 30-х годах XIX в. читал сообщение Ф. Ф. Зибольда о путешествии Мамаи-Ринзо. Однако для русских такое сообщение⁶⁶ не могло иметь особого значения, так как серьезные сомнения в достоверности версии о «полуострове Сахалине» возникли в России еще до выхода в свет сочинения Ф. Ф. Зибольда.

Любопытно отметить, что в 1825—1842 гг. в диспут (является ли Сахалин островом или полуостровом) были даже втянуты русские журналисты. Небезызвестный Фаддей Булгарин имел неосторожность как-то назвать Сахалин «полуостровом», за что журналист Б. М. Федоров объявил его «невежей в географии». Б. М. Федорова поддержал в этом знаток Сибири писатель Н. А. Полевой. Оправдываясь, Ф. В. Булгарин заявил, что «эта задача еще не решена в ученом мире», так как «до сих пор ни один мореплаватель не обошел кругом Сахалин». Он же признал, что до плавания Лаперуза «все авторы почитали его (Сахалин. — Б. П.) островом»⁶⁷. В 1842 г. В. Г. Белинский еще раз высмеял Ф. В. Булгарина за то, что он «утверждал, что Сахалин есть полуостров»⁶⁸.

Таким образом, В. Г. Белинский, так же как Б. М. Федоров и Н. А. Полевой, еще до начала исследований Г. И. Невельского (1849 г.) были убеждены, что Сахалин — остров. И этот взгляд разделяли многие в Петербурге.

⁶² А. Х. Пальмер, *Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана*, — сб. «Старина и новизна», СПб., 1906, стр. 217.

⁶³ Там же, между стр. 144—145 дается карта «Сахалинского моря» с изображением «полуострова Сахалина».

⁶⁴ В. М. Головнин, *Сочинения*, М.—Л., 1949, стр. 198.

⁶⁵ Там же, между стр. 144—145, дается карта «Сахалинского моря» с изображением «полуострова Сахалина».

⁶⁶ Ph. Fr. Siebold, *Nippon...*, Abt. I, S. 131.

⁶⁷ «Северный архив», ч. 16, 1825, стр. 355—356.

⁶⁸ Вспоминая спор 1825 г., Белинский писал о Ф. В. Булгарине: «Когда же его уличили в неведении географии... он отвечал: „Да я там не был, может быть и остров...“ Прекурьзная история!» (В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, М., 1955, стр. 455).

Весьма показательно, что в 1846 г. сам управитель Российско-американской компании М. Д. Тебенков дал задание моряку А. Гаврилову обследовать «северную оконечность острова Сахалина и всю губу, образуемую сею оконечностью и материком, а также *проток, отделяющий о. Сахалин от материка*» (курсив мой.— Б. П.)⁶⁹.

К сожалению, А. Гаврилов не смог побывать в Татарском проливе, но, считая вывод И. Ф. Крузенштерна о том, что Сахалин — полуостров, непогрешимым, он на своей карте изобразил его в виде полуострова⁷⁰.

При изучении опознанных нами статей петрашевца А. П. Баласогло⁷¹, переданных им осенью 1847 г. генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (статей, которые отражают и взгляды Г. И. Невельского того периода, когда он совместно с А. П. Баласогло хлопотал об организации научных исследований как у устья Амура, так и в Татарском проливе), выяснилось, что А. П. Баласогло, а следовательно, и Г. И. Невельской бесспорно знали о путешествии Гурия Васильева. Действительно, там имеются упоминания о сведениях «беглого раскольника»⁷². Конечно, здесь имелся в виду Гурий Васильев, и сведения о нем А. П. Баласогло несомненно получил во время своей работы в архиве министерства иностранных дел.

Из всех этих данных ясно видно, что Г. И. Невельской еще до своего исторического плавания 1849 г. уже имел немало серьезных оснований сомневаться в правильности утверждений И. Ф. Крузенштерна относительно «полуострова Сахалина».

Сомнения Г. И. Невельского еще более возросли, после того как Ф. Ф. Беллинсгаузен сообщил ему, что сами участники «первого плавания россиян вокруг света» не считали вывод И. Ф. Крузенштерна о «пслуострове Сахалин» доказанным: ведь участникам этого плавания так и не удалось самим побывать в районе Татарского пролива.

Естественно у Г. И. Невельского возникло желание самому побывать в этом районе. Вот почему А. С. Меншиков в своей инструкции Г. И. Невельскому дал ему поручение «разрешить: открыт или нет лиман с юга» (§ 3)⁷³. Еще более определенно эту задачу сформулировал генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в своей инструкции от 12 ноября 1848 г. Он поручил Невельскому заняться изучением «пролива, отделяющего этот остров от материка». При этом Н. Н. Муравьев отмечал, что, по мнению многих, «южный пролив вовсе не существует при отливе; положительно однако ж до ныне никто этого не знает»⁷⁴.

Прибыв летом 1849 г. в Сахалинский залив, Г. И. Невельской и его спутники попытались у местных жителей собрать сведения о Татарском проливе. Вначале они оказались весьма противоречивыми. Мичман Гро-те после своего рекогносцировочного плавания вдоль побережья Сахалина сообщал, что, «судя по знакам туземцев и виденным на дальнее расстояние от берега, обсыхающим отмелям, надо полагать, что Саха-

⁶⁹ П. А. Тихменев. *Историческое обозрение...*, стр. 62—63.

⁷⁰ Г. И. Невельской. *Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855*, М., 1947, стр. 67.

⁷¹ Б. П. Полевой. *Опознание статей петрашевца А. П. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847)*,— «История СССР», 1961, № 1, стр. 155—159.

⁷² [А. П. Баласогло], *Восточная Сибирь*,— «Чтения в имп. обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1875, кн. 2, «Смесь», стр. 182.

⁷³ Архив Географического общества СССР, разр. 99, оп. 1, д. 93, л. 9.

⁷⁴ И. И. Барсуков, *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский*, М., 1891, кн. 2, стр. 37—38.

лин есть полуостров»⁷⁵. Совершенно иное заключение сделал первый помощник Г. И. Невельского — П. В. Казакевич. Невельской писал: «Судя по очерку, который ему делали на песке туземцы, он полагает, что Сахалин отделяется от материка проливом»⁷⁶.

В 1953 г. в архиве Географического общества СССР нам посчастливилось обнаружить подробнейший отчет Г. И. Невельского о его исторических исследованиях 1849 г. В нем указывается, что исследования наиболее узкой части Татарского пролива были начаты от мыса Пронге: «Отсюда до 26-го июля 1849 г. пользуясь попутными ветрами спустились вдоль берега Лимана через Южный пролив в широту 51°45', т. е. около 5 миль за пределы исследований капитана Бротона и возвратились к мысу Погоби»⁷⁷. Так исключительно скромно сообщал Г. И. Невельской о своих исторических исследованиях в Татарском проливе.

Как бы ни были разнообразны данные, побуждавшие Г. И. Невельского верить в то, что южный пролив должен существовать, все-таки до самого последнего момента его не оставляли сомнения. «Проходя южным проливом, — признавался он впоследствии, — мы не верили самым очевидным фактам, доказывавшим его действительное состояние и не могли себе объяснить с первого раза, какие были причины ошибочных заключений Бротона. Только астрономические наблюдения и повторяемые промеры указали нам, что действительно мы были в южном проливе и что он действительно глубок»⁷⁸.

Во время этих исследований Г. И. Невельской узнал от местных жителей, что в южной части Татарского пролива часто стали появляться иностранные, главным образом американские китобойные суда. Более того, от одного нивха он узнал даже о появлении там иностранного судна, которое открывало пушечную стрельбу. Невельской полагал, что здесь проводило учебные стрельбы английское военное судно⁷⁹.

Во время той же навигации в Охотском море смог побывать и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. У северо-западных берегов Сахалина Н. Н. Муравьев лично встретил одного американского китобоя, который заявил ему, что около октября 1849 г. он попытается на своем китобойном судне пройти «между Сахалином и материком»⁸⁰.

Все эти факты ясно показывали, что в будущем заморские колонизаторы легко могли проникнуть в пустующий район устья Амура не только с севера — через Сахалинский залив, но и с юга — через Татарский пролив. В связи с этим Н. Н. Муравьев откровенно сказал Г. И. Невельскому: «Для нас... было бы лучше, чтобы вход в реку был только один — с Охотского моря»⁸¹.

При создавшемся положении возникла острая необходимость обезопасить вход в Амур не только с севера, но и с юга. Вскоре по инициативе Г. И. Невельского было занято устье Амура (1/13 августа 1850 г.) и основаны на берегах Татарского пролива первые русские военные посты: на побережье континента — пост в Де-Кастри (4/16 мар-

⁷⁵ Г. И. Невельской, *Обзор результатов действия русских на северо-восточных пределах России и участия офицеров нашего флота в деле восприсоединения Приамурского края к России*, — «Морской сборник», 1864, № 6, Критика и библиография, стр. 42.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Архив Географического общества СССР, разд. 99, оп. 1, д. 93, л. 11.

⁷⁸ Г. И. Невельской, *Обзор...*, — «Морской сборник», 1864, № 7, Критика и библиография, стр. 14—15.

⁷⁹ Б. П. Полевой, *Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год)*, — «Советская этнография», 1955, № 4, стр. 111—112.

⁸⁰ И. И. Барсуков, *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский*, стр. 50.

⁸¹ Г. И. Невельской, *Обзор...*, — «Морской сборник», 1864, № 7, стр. 2.

та 1853 г.) и в Императорской (теперь Советской) гавани (4/16 августа 1853 г.), а на западном побережье Сахалина — Ильинский пост (30 августа/11 сентября 1853 г.).

Открытие судоходности Татарского пролива имело большое практическое значение для России. Уже в 1853 г. этим путем прошло первое русское судно — винтовая шхуна «Восток» под командованием капитан-лейтенанта В. А. Римского-Корсакова, а в 1855 г., во время Крымской войны, использование Татарского пролива позволило спасти от гибели значительную часть судов русской тихоокеанской флотилии.

В литературе часто утверждается, что русские достигли в этом районе полного успеха потому, что за границей будто бы никто не догадывался о существовании Татарского пролива. Действительно, английский офицер Уитингейм, свидетель этого исчезновения русской эскадры, писал: «...я все еще верил в правильность утверждения Лаперуза и Броутона, что не существует никакого судоходного пролива в Амурский лиман, тем более что не было ни малейших признаков течения или различия расцветки воды, которые бы обнаружили существование канала, идущего из Амура. Я полагал, что противник прошел мимо нас в тумане»⁸².

Следует признать, что и за границей далеко не все верили в достоверность легенды о «полуострове» Сахалине. Еще в 1812 г. Людвиг Линднер указывал, что вопрос, является ли Сахалин островом или полуостровом, «все еще определенно не решен», так как исследователи «своими глазами» весь этот район пока не видели⁸³. В апреле 1855 г. известный американский адмирал Джон Роджерс, отправляя на пароходе «Джон Генкок» на разведку к берегам Сахалина лейтенанта Генри Стивенса, писал: «Точно не известно, является ли Сахалин островом или полуостровом. Имеются видные авторитеты, защищающие ту и другую точку зрения и различные карты, отражающие их противоположные взгляды. Я думаю, что проход для кораблей через Татарский залив в Охотское море существует. Идя от устья Амура, вы легко сможете разрешить этот вопрос. Желательно провести исследования в этом проливе до места работ Лаперуза в заливе Татарском — до параллели 51°40'. Если там существует пролив, то это будет весьма ценным для нас»⁸⁴.

Заметим здесь, что именно американцы оказались первыми иностранцами, которым довелось проведать об открытиях Г. И. Невельского. Вот как это произошло.

Необходимость срочной доставки продовольствия на устье Амура вынудила русских зафрахтовать американское судно барк «Пальметто». Капитану этого судна в качестве исключения была доверена секретная карта Татарского пролива. Так американское судно «Пальметто» стало в 1855 г. первым иностранным судном, прошедшим через Татарский пролив. В Амурском лимане барк «Пальметто» встретил пароход «Джон Генкок», которым командовал Генри Стивенс, тот самый лейтенант, которому адмирал Джон Роджерс поручил выяснить, могут ли морские корабли ходить через Татарский пролив.

Лейтенант Стивенс, догадавшись, что «Пальметто» был проведен через пролив, поспешил побывать на барке. Тут-то у лоцмана Стивенс

---

⁸² P. B. Whittingham, *Notes on the Late Expedition Against the Russian Settlements in Eastern Siberia; and a Visit to Japan and to the Shores of Tartary and of the Sea of Okhotsk*, London, 1856, p. 98.

⁸³ L. Lindner, *Entdeckungsgeschichte der Insel Jesso und der Halb-Insel Sagalien*, — *Allgemeine Geographische Ephemeriden*, Bd XXXVIII, 1812, S. 401.

⁸⁴ «Yankee-Surveyors in the Shogun's Seas: Records of the United States Surveying Expedition to the North Pacific Ocean 1853—1856», Princeton, 1947, pp. 55—56.

и увидел секретную русскую карту пролива. Он пожелал снять с нее копию, но ему в этом отказали. «Русские,— писал Стивенс коммодору Роджерсу,— были весьма раздражены тем, что я держал карту, и после моего посещения она исчезла»⁸⁵. Когда пароход «Джон Генкок» бросил якорь в Амурском лимане, к Стивенсу в качестве представителя местного военного командования прибыл поручик Самохвалов. «Этому офицеру я сказал,— сообщал Стивенс,— что желал бы получить копию карты пролива, но он ответил, что не может предоставить мне ее, так как она является секретной»⁸⁶.

Позже Генри Стивенс обратился к контр-адмиралу В. С. Завойко с официальной просьбой разрешить ему ознакомиться с низовьями Амура, а также, «если возможно, пройти через пролив Татарского залива»⁸⁷. Но вскоре началась штормовая осенняя погода и американцы вынуждены были изменить свои планы.

Довольно скоро, от американцев, о судоходности Татарского пролива узнали англичане. Первым, кто сообщил англичанам об этом в 1855 г. в Де-Кастри, был американский торговец Кушинг. От англичан узнали французы, и поэтому уже вскоре после окончания Крымской войны было принято решение русскую карту Татарского пролива впредь не считать секретной. Так, к 1856 г. уже весь мир смог узнать о судоходности Татарского пролива.

* * *

Из всего изложенного видно, что Г. И. Невельской отнюдь не был первооткрывателем Татарского пролива. Бесспорно, еще в середине XVII в., т. е. за два века до исследований Г. И. Невельского, русские уже знали о существовании пролива, отделявшего Сахалин от материка. Благодаря этим открытиям русских о существовании пролива еще в конце XVII в. смогли впервые узнать и географы Западной Европы.

В течение длительного времени (от середины XVII—до конца XVIII в.) никто в России не сомневался, что напротив устья Амура расположен крупный остров. Версия о том, что Сахалин будто бы является полуостровом, пришла в Россию из-за границы.

Первые географические чертежи с изображением Карафуту (Сахалина) в виде полуострова появились в Японии. Но благодарная почва для распространения в России версии о «полуострове Сахалине» возникла лишь после плавания Ж. Ф. Лаперуза 1787 г. и особенно В. Р. Броутона 1796 г. Под влиянием последнего И. Ф. Крузенштерн стал первым в России называть Сахалин полуостровом, а поскольку И. Ф. Крузенштерн пользовался во всем мире большим авторитетом, то в течение последующих четырех десятилетий многие стали называть Сахалин «полуостровом».

Это заблуждение отнюдь не было всеобщим, и ряд авторов продолжал считать Сахалин островом. Именно из-за этих разногласий и возникла необходимость начать новые исследования в Татарском проливе. Они были блестяще проведены Г. И. Невельским, который в 1849 г. смог не только окончательно опровергнуть легенду о полуострове Сахалине, но и впервые установить судоходность Татарского пролива (Мамия-Ринзо проблемой судоходности пролива вообще не интересовался, поскольку в те времена Япония не располагала большими морскими судами).

⁸⁵ Ibid., p. 149.

⁸⁶ Ibid., pp. 149—150.

⁸⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, д. 1159, л. 50.

Установление судоходности Татарского пролива имело для России большое практическое значение и еще большее — политическое. После того как стало очевидным, что существует реальная угроза проникновения заморских колонизаторов в пустующие районы Амура с южной стороны, русские моряки стали с еще большей энергией осваивать южные районы русского Дальнего Востока.

Таким образом, из всех исследований, проведенных в Татарском проливе, безусловно наибольшее значение имели исследования Г. И. Невельского. Но, воздавая должное этому талантливому русскому моряку, не следует умалять значение сведений о Татарском проливе, собранных русскими еще в середине XVII в. Нетрудно понять, что значение этих русских открытий XVII в. до сих пор принижалось в литературе из-за того, что сама история этих открытий была известна очень плохо. В какой-то мере в этом была повинна и замечательная книга Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855». Для многих она стала главным источником сведений по истории первоосвоения русскими южных районов Дальнего Востока. В этой книге, к сожалению, почти ничего не было сказано о том, какими сведениями о Татарском проливе располагали русские еще в XVII в., но зато читатели хорошо запомнили, как Г. И. Невельский гордо рапортовал Н. Н. Муравьеву 3 сентября 1849 г.: «Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможны для мореходных судов с севера и юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно»⁸⁸. Выражение «вековое заблуждение» невольно создало ошибочное впечатление у читателей, что будто бы до Г. И. Невельского Сахалин веками считался полуостровом. При таком понимании выражения «вековое заблуждение» нетрудно было пойти еще дальше — объявить Г. И. Невельского фактически единственным первооткрывателем Татарского пролива и, следовательно, отнести это открытие лишь к 1849 г.⁸⁹ А это оказалось весьма выгодным для тех, кому политически было важно провозгласить первооткрывателем Татарского пролива «предшественника Г. И. Невельского» — Мамя-Ринзо⁹⁰.

Таково происхождение двух историко-географических версий, несостоятельность которых и была показана в настоящей статье.

⁸⁸ Г. И. Невельский, *Подвиги...*, стр. 108. Из хранящегося в ЦГАВМФ (ф. 913, оп. 1, д. 336) «Журнала плавания военного транспорта „Байкал“ под командою 10-го флотского экипажа капитан-лейтенанта Невельского 2-го от Камчатки до Охотска (с 22 мая до 11 октября 1849 г.)» стало известно, что эта встреча Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьева произошла не 3 сентября, а еще 1 сентября 1849 г. (см. л. 69) и в его рапорте никакого упоминания о «вековом заблуждении» вообще не было.

⁸⁹ Очень важно отметить, что сам Г. И. Невельский отнюдь не считал себя первооткрывателем Татарского пролива. В самом деле, еще в 1864 г. Г. И. Невельский, вспомянув о «японской зибольтовой карте» — модернизированной карте Мамя-Ринзо, которая была опубликована в 1851 г. Ф. Ф. Зибольдом, тут же напомнил, что русские еще в XVII в. знали о существовании «большого острова, отделяющегося от материка нешироким проливом» (Г. И. Невельский, *Обзор...* — «Морской сборник», 1864 г. № 6, Критика и библиография, стр. 25). Поэтому и свою заслугу в исследовании Татарского пролива он видел лишь в том, что смог первым установить, «для какого рода мореходных судов доступен вход в этот пролив, а это-то единственное важное обстоятельство, совокупно с подобным же вопросом об устье р. Амур — и не было разрешено» (там же).

⁹⁰ Мамя-Ринзо тоже не считал себя первооткрывателем Татарского пролива. Узнав (видимо, от В. М. Головкина), что в Европе стало распространяться ложное представление о Сахалине как о полуострове, Мамя-Ринзо не без гордости отметил в своем сочинении: «Татарскому заливу я снова вернул его прежнее наименование Татарский канал» (цит. по Ф. Ф. Зибольду. — *Б. П.*). Уже эта фраза ясно показывает, что сам Мамя-Ринзо хорошо знал, что еще до него географам всего мира уже было известно о существовании в этом районе «канала», отделявшего Сахалин-Карафуто от азиатского континента.